

В. МАЖЮЛИС

К БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ФОРМЕ ДАТИВА (МН. И ДВ. Ч.)

Из употребляемых древнелитовской письменностью алломорфов (*vilka*)-*mus* и (*vilka*)-*ms* (дат. п. мн. ч.)¹ первый современным литовским говорам уже не известен (он в последний раз отмечен, кажется, в конце XIX в. в говоре Lėnas²). Данного *-mus* не знает и латышский язык — ни его древнеписьменные памятники, ни современные говоры. Алломорф же (*vilká*)-*ms* (дат. п. мн. ч.), восходящий (не чисто фонетически), видимо, к *-mus*³, существует и по сей день, а именно в жемайтском диалекте и (до 1945 г.) западноаукштайтском б. Восточной Пруссии, а также в некоторых примыкающих к этим западно-литовским ареалам западно-аукштайтских окраинах. В древнелатышских письменных памятниках и кое-где в современной Курляндии находим также форматив *-ms* (дат. п. мн. ч.), который генетически, вероятно, аналогичен литовскому *-ms* (см. выше)⁴.

В остальных литовских (аукштайтских) и латышских говорах форматив дат. п. мн. ч. (а также твор. п. мн. ч.) сейчас употребляется без исходного *-s*: в большинстве говоров он выступает в виде *-m*. Вместо *-m* в юго-восточных говорах литовско-аукштайтского находим: (*aki*)-*mi* (Simnas, Alovė, Zietela, Lazūnai...), (*aki*)-*mu* (Dieveniškės, Lazūnai), (*aki*)-*ma* (Rodūnia) = (*mó-šo*)-*ma* (Dieveniškės) = (*mù*)-*ma* „нам“ (Rodūnia); последний засвидетельствован и другими аукштайтскими говорами: (*mù*)-*ma* = (*jù*)-*ma* (Šėduva), ср. (по *aki*)-*ma* (Bretkūno Postilė I 116₁₀)⁵. Данные *-m*-, *-mu*-, *-ma*-, *-mi* (дат. п. мн. ч.) считаются формативами дуальными, соответственно вытеснившими плураль-

¹ Относительно (*sūnu*)-*mis* (твор. п. мн. ч.), употребляемого в значении дат. п. мн. ч., см. P. Arūma, Untersuchungen zur Geschichte der litauischen Personalpronomina (далее: P. Arūma, Personalpron.), Tartu, 1933, 44 сл.

² К. Būga, Rinkiniai raštai (далее: К. Būga, RR), II, Vilnius, 1959, 27.

³ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, 153—154; К. Būga, RR I 562; J. Otrębski, Gramatyka języka litewskiego, III, Warszawa, 1956, 15. При этом мы исключаем те случаи, где в соответствующих говорах форматив *-ms* (дат. п. мн. ч.) может восходить и к инструментальному *-mis* (твор. п. мн. ч.), ср. J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika (далее: J. Endzelīns, LVG), Rīgā, 1951, 404.

⁴ J. Endzelīns, Baltu valodu skānas un formas (далее: J. Endzelīns, BVSF), Rīgā, 1948, 117.

⁵ Шире об этом материале см. P. Arūma, Personalpron., 43—78.

ный *-ms* < *-mus*⁶. По поводу лтш. *-m* (дат. п. мн. ч.), имея в виду и лит. *-m* (дат. п. мн. ч.), Я. Эндзелин пишет: „Als der Dual schon im Schwinden begriffen war, wurden anfangs die alten Dualdative *acim* „Augen“, *ausim* „Ohren“, *rùokām* „Händen“, *kājām* „Füßen“ u. a. und die Pluraldative *acims*, *ausims*, *rùokāms*, *kājāms* u. a. zunächst dualisch, sodann auch pluralisch promiscue gebraucht, worauf *-ms* durch das gleichbedeutend gewordene und lautlich bequemere *-m* verdrängt werden konnte“⁷; в связи с этим можно привести данные, напр., говора (литовского) Dusetos: *vilká-m* (дат. п. мн. ч.; без *-s*), но *baltie-s-iam* (дат. п. мн. ч.) < (вероятно) *baltie-ms-* (с *-s*)⁸. Что касается этого же дуального *-m*, то после него, по мнению Я. Эндзелина, раньше стоял какой-то гласный: „в древнелитовских текстах и говорах имеется более полное окончание *-ma*, *-mi* или *-mi*“⁹. Литовский *-mi* (дат. п. мн. ч.) представляет, видимо, более древнюю форму твор. п. дв. ч., ср. (*dwié*)-*mi* (*žuwele*)-*mi* DP 297₂₇¹⁰. Однако проблема самого появления данного *-mi*, как и происхождения указанных *-mi*, *-ma*, до сих пор не решена.

П. Арумаа форматив *-ma* генетически сопоставляет со ст.-сл. *-ma* (дат. -твор. п. дв. ч.), а формативы *-mi* и *-mi* объявляет „junge Eindringlinge in den Dual..., die wahrscheinlich erst nach dem Parallelismus mit den entsprechenden Pluralendungen aufgetreten sind“, вместе с тем добавляя, что здесь все же нет ясности и уверенности (Klarheit und Sicherheit)¹¹. Полагаем, что такая гипотеза скорее всего только констатирует соответствующий параллелизм между плуральными *-mus* (дат. п.): *-mis* (твор. п.) и дуальными *-mi* (дат. п.): *-mi* (твор. п.), но вряд ли объясняет генезис подобного параллелизма. На самом деле, какие же причины вызвали образование такого параллелизма, т. е. появление дуальных *-mi* (дат. п.) и *-mi* (твор. п.), если между плуральными *-mus* (дат. п.): *-mis* (твор. п.) и дуальными (по мнению П. Арумаа, более древними) *-ma* (дат. п.) = *-ma* (твор. п.) не имелось ни одного параллельного resp. „связующего“ звена¹².

⁶ J. Endzelīns, LVG 405 (там же литература).

⁷ J. Endzelin, Lett. Gr. 298 = J. Endzelīns, LVG 405.

⁸ Ср. даже в говоре Dieveniškės (где местоименные прилагательные, как таковые, исчезли), правда, из народной песни, форму имени существительного *žirgá-ms* (дат. п. мн. ч.), а также *akētē-lē-ms* (твор. п. мн. ч.) — P. Arumaa, Litauische Texte aus der Wilnaer Gegend (далее: P. Arumaa, Lit. Texte), Dorpat, 1930, 20, 62.

⁹ J. Endzelīns, LVG 405, ср. J. Endzelin, Lett. Gr. 298.

¹⁰ Ср. P. Arumaa, Personalpron. 77–78.

¹¹ P. Arumaa, Personalpron. 78, ср. E. Fraenkel, Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen, „Balticoslavica“, II, Wilno, 1936, 36.

¹² Т. е. имеем *-mus* : *-mis* || *-ma* : *-ma*, но не *-mus* : *-mis* || *-mi* : *-ma* („связующее“ звено — *-mus* : *-mi*) или *-mus* : *-mis* || *-ma* : *-mi* („связующее“ звено — *-mis* : *-mi*), *-mus* : *-mis* || *-ma* : *-mi* („связующее“ звено — *-mus* : *-mi*) и т. п.

К тому же, мы не располагаем данными, которые свидетельствовали бы о том, что *-ta* древнее *-mi*. Предположение П. Арумаа об архаичности формата *-ta* и об инновационном характере *-mi* основано на аргументах¹³, вряд ли подтверждающих такое предположение, т.е.: 1) на том, что форматив *-ta* выступает в дативе и в инструментале, 2) на том, что наряду с *-mi* (дат. п. дв. ч.) имеется и *-mi* (твор. п. дв. ч.) и 3) на сопоставлении лит. *-ta* со ст.-сл. *-ta* (дат.-твор. п. дв. ч.), исходящем из гипотезы, согласно которой ст.-сл. *-ta* восходит к первоначальному **-mā*. Относительно первых двух аргументов можно сказать следующее. То, что форматив лит. *-ta* выступает в дативе и в инструментале, а форматив *-mi* — в дативе (но ср. *dwie-mi talentú* „dwiema talenty“ DP 390₅), — этот факт сам по себе еще не говорит о том, что *-ta* древнее *-mi*, — тем более, что до сих пор не ясен генезис как формата *-mi*, так и формативов *-mi* и *-ta*. Основным для гипотезы П. Арумаа аргументом, по сути дела, является третий, т.е. возведение ст.-сл. *-ta* к **-mā*¹⁴; но если мы будем возводить ст.-сл. *-ta* к **-mō* (для этого, полагаем, имеется основание¹⁵, см. ниже), то вышеотмеченную гипотезу П. Арумаа придется „поправить“, видимо, так: не *-ta* древнее *-mi*, а *-mi* древнее *-ta*. Иначе говоря, гипотеза П. Арумаа зиждется на ст.-сл. *-ta*, происхождение которого еще не выяснено.

Полагаем, что спор о том, древнее ли *-mi* или *-ta*, не может привести к решению вопроса о генезисе данных формативов. Есть основание разбираемые *-mi* и *-ta* возводить к одному и тому же первоначальному **-mō*¹⁶ (= ст.-сл. *-ta* дат.-твор. п. дв. ч.¹⁷), а именно следующим образом: а) **-mō* (удар-

¹³ Р. Арумаа, Personalpron. 78.

¹⁴ Ст.-сл. *-ta* (дат.-твор. п. дв. ч.) к **-mā* возводят многие ученые; из последних работ в этом же отношении ср. А. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, II, Lyon—Paris, 1958, 39 (данный **-mā* считается балто-славянским).

¹⁵ Возведение ст.-сл. *-ta* (дат.-твор. п. дв. ч.) к **-mō* неново, см. Н. Hirt, Über die mit *-m-* und *-bh-* gebildeten Kasussuffixe, IF V (1895) 254; E. Auduin, De la déclinaison dans les langues indo-européennes et particulièrement en sanscrit, grec, latin et vieux slave, Paris, 1898, 50; А. Погодин, К истории форм славянских языков, „Известия Варшавского Университета“, IV (1903), 16 (цитируем по оттиску). Возведение ст.-сл. *-ta* (дат.-твор. п. дв. ч.) к **-mō* не опровергнуто и сейчас, ср. напр., F. V. Mareš, Vznik a raný vývoj slovanské deklinace, — Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, 64 [где пишется так: сл. *-ta* < и.-е. **-mā* (*-mō*?)].

¹⁶ Относительно акута ср. соответственно сказанное об интонационных вопросах в связи и историей лит. *-mus* (дат. п. мн. ч.), см. ниже.

¹⁷ Ст.-сл. *-ta* (как и, напр., ав. *-bua*) в отношении гласного генетически сам по себе не однозначен: на славянском материале, кажется, нельзя доказать, восходит ли он к **-mō* или к **-mā*. Единственной опорой для решения данной альтернативы является, по сути дела, установление генезиса лит. (диал.) *-mi* и *-ta* (дат. п. [дв. ч.]).

ный) > балт. — *-mō¹⁸ → лит. -*ми* и б) *-mō̄ (безударный) > балт. *-mō̄¹⁹ → лит. -*ма*²⁰; ср. в этой же связи и то обстоятельство, что в том же говоре Dieveniškės отмечены оба формата — и -*ми* (дат. п.), и -*ма* (дат. п.), причем последний выступает очень редко²¹. Следовательно, полагаем, что -*ми* и -*ма* в равной мере являются древними; что же касается преобладания формата -*ми* (< балт. *-mō̄) перед -*ма* (< балт. *-mō), напр., в говоре Dieveniškės²², то это связано, видимо, с процессом обобщения ударного вокализма²³, т.е. с процессом обобщения формата балт. *-mō̄ → лит. -*ми*²⁴. Только после всего этого, быть может, применима вышеуказанная „параллелистическая“ гипотеза П. Арумаа, да и то только для объяснения генезиса дуального -*ми* (твор. п.), — плуральные -*mus* (дат. п.) : -*mis* (твор. п.) = дуальные -*ми* (дат.-твор. п. resp. дат. п.) : *x* (твор.), где *x* = -*mi*²⁵.

Относительно происхождения лит. (*vilkā*)-*mus* (дат. п. мн. ч.) выдвинуто ряд гипотез, основательную критику которых дал уже Я. Эндзелин²⁶. Благодаря Я. Эндзелю наиболее популярной стала та гипотеза, согласно которой лит. -*mus*, а также и ст.-сл. (*vľko*)-*mъ* возводятся к первоначальному *-*mus*²⁷. Но и данная гипотеза не является неувязимой ввиду того, что: а) ст.-

¹⁸ Графему \bar{o} здесь используем в фонетическом значении, указанном в статье В. Мажюлис, Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии, „Baltistica“, I, Vilnius, 1965, 17 сл. (напр., первая таблица).

¹⁹ Графема \bar{o} здесь использована в фонетическом значении, указанном в статье В. Мажюлис, I. с.

²⁰ О том, что древнейший * \bar{o} (и.-е. * \bar{o}) может дать лит. *ио* и (в определенных случаях) лит. *о* (при сокращении — лит. *а*), см. Chr. S. Stang, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, 196—197 (примечание); И. Казлаускас, К развитию общепалтийской системы гласных, ВЯ XI (1962) № 4, 24; В. Мажюлис, op. cit. 18—20.

²¹ Форматив -*ма* в данном говоре отмечен только в одном случае (и то в народной песне): *daūgel dovanėlių mocinėlai, mōšoma po stomenėli* (P. Arumaa, Personalpron. 78), но (другой вариант песни): *daūgel dovanėlių mocinėlai... mōšomi po stomenėli* (P. Arumaa, Lit. Texte 21).

²² Следует подчеркнуть, что данный периферийный восточно-литовский говор (т.е. говор окрестности Dieveniškės) содержит много архаичного.

²³ О данном процессе см. И. Казлаускас, op. cit. 24; В. Мажюлис, op. cit. 18 сл.

²⁴ О процессе обобщения ударного вокализма, именно во флексии ср. В. Мажюлис, op. cit. 19—20.

²⁵ „Связующее“ звено (см. сноску № 12) тут — -*mus* : -*ми*. Однако, см. сноску № 59.

²⁶ И. Эндзелин, op. cit. 152—157.

²⁷ И. Эндзелин, I. с. (там же литература); „лит. -*mus*, может быть, идентичен ст.-сл. -*mъ* (напр., в форме *duxomъ*)“, J. Endzelins, BVSF 117; J. Endzelins, LVG 404 = J. Endzelin, Lett. Gr. 297; Я. Эндзелин все же сомневался в происхождении ст.-сл. -*mъ* (дат. п. мн. ч.) из *-*mus*, ср. J. Endzelins, Senprūšu valoda (далее: J. Endzelins, SV), Rīgā, 1943, 60. Я. Отрембский считает, что данный ст.-сл. -*mъ*, вероятно, из *-*mus*, см. J. Otrębski, Gramatyka języka litewskiego, III, Warszawa, 1956, 15.

-сл. *-mъ* (дат. п. мн. ч.) может быть возведен не только к **-mus*, б) возведение лит. *-mus* к **-mus* не подкрепляется другими родственными языками и, в первую очередь, прусским²⁸, в которых за **-m-* resp. за **-bh-* обнаруживается что угодно, но только не сонантический **-u-*, ср. прусс. *(waika)-mmans* „den Knechten“, т.е. *-mans* = *(noū)-mans* resp. *(noū)-mas*, лат. *(ovi)-bus* < **-bos*, др.-инд. *(vr̥ke)-bhyas*, *(bālā)-bhiṣ* (твор. п. мн. ч.), лит. *(rañko)-mis* (твор. п. мн. ч.) и т.п. Далее следует сказать, что и сам лит. *(vilkā)-mus* обязательно требует своего возведения к **-mus*. Лит. *-mus* может (см. ниже) восходить к первоначальному **-mōs* или **-mōns* (т.е. к балт. **-mōs* или **-mōns*²⁹)³⁰, ср. лит. *(vilk)-ūs* < **-ō(n)s* resp. **-ōns* (вин. п. мн. ч.). Форматив лит. *-mus* к **-mōs* (рассматривая его как удлинненную ступень и.-е. **-mos*) возводил, напр., Г. Гирт³¹; но против этого возражал Я. Эндзелин — „лит. *dievāms* может восходить только к **dievāmus*, между тем как ожидалось бы **dievamūs* (**dievaĩs*), если бы *-mus* восходило к **-mōs*“³². С тем, что лит. *vilkāms* восходит не к **vilkamūs*, а к *vilkāmus*, не следует спорить. Однако остальное в данном возражении Я. Эндзелина остается сомнительным, поскольку: а) этот *-mus* в известных акцентных парадигмах (разумеется, не в баритонированной) раньше, еще до действия закона Соссюра — Фортунатова, являлся, видимо, ударным³³ и б) в таких акцентных парадигмах ретракция ударения с конечного слога [т.е. с *-mō(n)s* → лит. *-mus*] на предыдущий, иначе говоря, установление колонной акцентуации типа *vilkāmus*, *sūnūmus*, *naktimūmus* и т.п. обусловлено, вероятно, соответствующим процессом морфологизации такого места ударения³⁴. Что касается былой ударности³⁵ данного *-mus*, то к сказанному можно добавить еще следующее. При возведении лит. *-mus* к **-mō(n)s*³⁶ уже само наличие лит. *-mus* [< **-mō(n)s*, точнее, балт. **-mō(n)s*³⁷],

²⁸ К литовскому и латышскому ближе всего, разумеется, прусский язык.

²⁹ См. сноску № 18.

³⁰ Если же лит. *-mus* не из **-mus*, то он может восходить только к **-mōs* или **-mōns* (разумеется, с акутом, — иначе не получился бы *-mus*); другие вероятности не могут считаться реальными: некоторыми учеными допускавшееся возведение лит. *-mus* к **-mōns* уже слишком сомнительно, см. И. Эндзелин, *op. cit.* 153.

³¹ Н. Hirt, *Zu den slavischen Auslautgesetzen*, IF II (1893) 346; Н. Hirt, *Über die mit -m- und -bh- gebildeten Kasussuffixe*, IF V (1895) 254.

³² Я. Эндзелин, *op. cit.* 153.

³³ Ср. J. Kuryłowicz, *L'accentuation des langues indo-européennes*, Wrocław-Kraków, 1958, 201–203 и др.; Chr. S. Stang, *Slavonic Accentuation*, Oslo, 1957, 63–64, 76, 88 и др.

³⁴ Ср. J. Kuryłowicz, *l. c.*; Chr. S. Stang, *l. c.*

³⁵ Разумеется, в соответствующих древних акцентных парадигмах.

³⁶ Ср. сноску № 30.

³⁷ См. сноску № 18.

а не [балт. **-mō(n)s*³⁸ >] лит. *-mas*³⁹, в свою очередь, видимо, также свидетельствует о былой ударности⁴⁰ данного *-mus* ← балт. **-mō(n)s*, впоследствии обобщенного во всех акцентных парадигмах⁴¹.

Происхождение прусского формата дат. п. мн. ч. *-mans* (*waika-mmans*), объяснявшееся многими учеными⁴², остается невыясненным до сих пор. Лучший знаток прусского языка Я. Эндзелин писал: „*-mans* получился, может быть (?), путем контаминации окончаний *-mas* и **-man* < **-tam* (ср. др.-инд. *astabhyam* „нам“, *āvābhyām* „нам обоим“ и (?)) ст.-сл. *-mъ*“⁴³. Однако, данная гипотеза (предложенная, кстати, не Я. Эндзелином⁴⁴), вероятность которой под сомнение ставил и сам Я. Эндзелин, вряд ли оправдана, во-первых, потому, что все же нет достаточного основания возводить прусс. *-mas* к первоначальному **-mos* (см. ниже). Во-вторых, поскольку лит. *-mus* может восходить к **-mō(n)s* resp. **-mōns*, то это тем более относится к прусс. *-mans*, возведение которого к **-mōns*, на самом деле, не является невозможным. Тавтосиллабический **-ō-* в данном **-mōns* сократился, что происходило, по всей видимости, до того, как гласные **ō* : **ō* после губных и гуттуральных согласных в прусско-самбийском стали переходить в **ū*⁴⁵. Насколько можно судить по прусскому Энхиридиону, данный *-mans* был безударный⁴⁶. Его безударность, хотя и не исконная, является все же, видимо, сравнительно древним фактом. В связи с этим, учитывая определенные случаи обобщения

³⁸ См. сноску № 19.

³⁹ Быть может, данный *-mas* представлен в (*Waika*)-*mas* = (*Duscho*)-*mas* (A. Bezenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, Göttingen, 1877, 142). Однако, ср. И. Эндзелин, op. cit. 154; несмотря на это, наряду с плуральным *-mus*, видимо, был и **-mas*, ср. дуальные *-tu* и *-ma*; исчезновение *-mas* в таком случае можно было бы объяснить на основании соображений, аналогичных тем, что говорилось (см. выше) о судьбе дуального алломорфа *-ma*.

⁴⁰ См. сноску № 35.

⁴¹ Ср. вышесказанное о процессе обобщения (ударного вокализма resp.) формата (дуального) балт. **-mō* → лит. *-tu*, см. еще сноски № 23, 24.

⁴² См. литературу и ее критику у: О. Н у j e r, Slovánská deklinace jmenná (далее: О. Н у j e r, Slov. dekl.), Praha, 1910, 17, 155; И. Эндзелин, op. cit. 154; J. Endzelīns, SV 59–60 [критика гипотезы Бругмана–Бернекера, которой сейчас придерживается, напр., J. Ferrell, ScSl XI (1965) 98].

⁴³ J. Endzelīns, SV 60.

⁴⁴ См., напр., О. Н у j e r, Slov. dekl. 17 (и литература).

⁴⁵ N. van Wijk, Altpreussische Studien, Haag, 1918, XV; В. М а ж ю л и с, Заметки по прусскому вокализму, „Вопросы теории и истории языка“, Ленинград, 1963, 191–192. Прусс. *cixtiānisk-un* имеет **-ūn*, по всей видимости, иного происхождения (а не из **-ūn* < **-ōn*), см. J. Endzelīns, SV 63.

⁴⁶ Ср. вышесказанное о колонной акцентуации литовской формы дат. п. мн. ч.

безударного вокализма в прусском⁴⁷, полагаем, что данный прусс. *-mans* непосредственно восходит, быть может, не к ударному **-mōns* > **-mōns*⁴⁸ (> *-mans*), а к безударному его алломорфу **-mōns*⁴⁹ > **-mōns*⁴⁸ (> *-mans*), ср. флексию (*deiwo*)-*ans* (вин. п. мн. ч.), безударную⁵⁰, генетически тождественную, видимо, с лит. (*vilk*)-*ūs* (вин. п. мн. ч.) < **-ō(n)s* < **-ōns*⁵¹.

Следовательно, в отношении „контаминационных“ аргументов (прусс. *-mas* + **-man*) вышеуказанная гипотеза нам не представляется вероятной. Тем не менее в этой гипотезе, по нашему мнению, имеется рациональное зерно, определяющееся общим замыслом самой гипотезы (но, кажется, не его решением), т.е.: а) генетическим членением прусс. *-mans* на соответствующий форматив + формант **-s* и б) принятием (resp. допущением) того, что появление (добавление) форманта **-s* в данном случае происходило сравнительно поздно, во всяком случае позднее т. н. общебалто-славянской эпохи. В объяснении того, что такое этот **-s*, по нашему мнению, наиболее прав, напр., Г. Гирт, считающий, что он является „п л у р а л ь н ы м“ формантом **-s*⁵².

Если же имеется основание допускать прусс. *-mans* (*waika-mmans*) < **-mōns*, а лит. *-mus* (*vaikā-mus*) может восходить к **-mō(n)s* resp. **-mōns*, то этот **-mōns* целесообразно объявить общебалтийским. Уже а priori следует полагать, что балтийский форматив дат. п. мн. ч. имеет генетическую связь со ст.-сл. *-mъ* (*vľko-mъ*) не только в отношении данного *-m-* (ср. совпадение балтийской и славянской формы дат.-твор. п. дв. ч., см. выше). Поэтому вполне оправдано стремление ученых решить генезис ст.-сл. *-mъ* (дат. м. мн. ч.) на основании соответствующих данных, в первую очередь, балтийских языков. Одни исследователи возводят этот ст.-сл. *-mъ* к сл. **-mus* на

⁴⁷ Ср. даже в корневой морфеме: прусс. *d-ā-t* „дать“, но лит. *d-ūo-ti*, лтш. *d-uō-t*, см. N. van Wijk, *Altpreussische Studien*, Haag, 1918, 49 сл.; В. Мажюлис, *op. cit.* 195–196; его же, *op. cit.*, „Baltistica“ I (1965) 20.

⁴⁸ Графема *ō* использована в том же фонетическом значении, что и в статье В. Мажюлис, *op. cit.* 17 сл.

⁴⁹ См. сноску № 19.

⁵⁰ О безударности прусской формы вин. п. мн. ч. ср. J. Kazlauskas, *Dėl lietuvių kalbos vardažodžio kirčiavimo sistemos raidos*, „Kalbotyra“, VII, Vilnius, 1963, 180.

⁵¹ Однако прусская форма вин. п. мн. ч. требует отдельного рассмотрения, которое выходит за рамки данной статьи.

⁵² H. Hirt, *op. cit.*, IF II 346; H. Hirt, *op. cit.*, IF V 254; ср. F. Specht, *Der Ursprung der indogermanischen Deklination*, Göttingen, 1947, 373 („das pluralische s“; остальное у Ф. Шпехта о генезисе прусс. *-mans* нам не представляется правдоподобным). При всем том мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что проблема „плюрального“ **-s* требует отдельного рассмотрения.

основании лит. *-mus*⁵³, ими возводимого также к **-mus*; однако, тут беда в том, что лит. *-mus* вряд ли происходит из **-mus* (см. выше). Другие же, ссылаясь на прусс. *-mas* (*noū-mas* и *ioū-mas*!) и возводя его к древнейшему **-mōs*, форматив ст.-сл. *-mъ* возводят к сл. **-mōs*⁵⁴; но и такая гипотеза довольно слаба, ибо прусс. *-mas* выступает только в личных местоимениях (ст.-сл. *-mъ* находим во всех именах и местоимениях) и, видимо, он иного происхождения, см. ниже. Наконец, имеется и третья гипотеза, сторонники которой выводят ст.-сл. *-mъ* (*vľьko-mъ*) из сл. **-mōn* на основании формата прусс. *-mans*, по их мнению, генетически членящегося на **-mōn* + формант **-s*⁵⁵. Полагаем, что наиболее правильна именно эта гипотеза, но со следующей поправкой: поскольку прусс. *-mans* целесообразно возводить к **-mōns* и, далее, генетически членить на (более древний форматив) **-mōn* + (позднее добавленный формант) „плюральный“ **-s* (ср. соответственно сказанное выше), то ст.-сл. *-mъ* (*vľьko-mъ*) вполне может восходить к **-mōn*⁵⁶. Иначе говоря, полагаем, что форматив ст.-сл. *-mъ* (*vľьko-mъ*) < сл. **-mōn* представляет более древнее состояние того же формата, что и прусс. *-mans* < **-mōns* = лит. *-mus* < **-mō(n)s* < **-mōns*. Если же в славянском формате **-mōn* (дат. п. мн. ч.) еще не был распространен „плюральный“ формантом **-s*, то это, в свою очередь, свидетельствует, может быть, о том, что и форматив твор. п. мн. ч. в славянском был не **-mīs* (= лит. *-mis* < **-mīs*⁵⁷), а еще **-mī* (= ст.-сл. *-mi*⁵⁸), ср. в типологическом отношении, напр., следующее: те литовские говоры, которые не содержат (resp. соответствующим образом лишились) „плюрального“ *-s* в формате дат. п. мн. ч., не содержат, как правило, его и в формате твор. п. мн. ч., и наоборот. В связи с этим осторожно допускаем: лит. *-mus* = прусс. *-mans* < **-mōns* (дат. п. мн. ч.) и лит. *-mis* < **-mīs* (твор. п. мн. ч.) имеют позднее добавленный формант **-s*, т.е. они восходят соответственно к более древним балт. **-mōn* и балт. **-mī* = ст.-сл. *-mъ* < **-mōn* и ст.-сл. *-mi* < **-mī*⁵⁹ [плюральные формы **-mōn* (дат. п.):

⁵³ Напр., Я. Эндзелин, *op. cit.* 155; J. Otrębski, *op. cit.* 15; см. литературу у О. Нуйер, *Slov. dekl.* 17.

⁵⁴ Напр., Т. Milewski, *Rozwój fonetyczny wygłosu prasłowiańskiego*, „Slavia“, XI (1932), Praha, 17; см. литературу у О. Нуйер, *Slov. dekl.* 16, 154.

⁵⁵ Напр., О. Нуйер, *Slov. dekl.* 17 (и литература); F. V. Mareš, *op. cit.* 55.

⁵⁶ О том, что (и-е.) **-ōn* в славянском может дать *-ъ*, см. В. Мажюлис, *op. cit.*, „Baltistica“ I (1965) 24 сл.; ср. еще, напр., F. V. Mareš, *l. c.*

⁵⁷ К. Vūga, RR I 567–568; J. Endzelins, LVG 418.

⁵⁸ Ст.-сл. *-mi* сам по себе может восходить, разумеется, как к **-mī*, так и к **-mīs*. Ср. в какой-то мере F. V. Mareš, *op. cit.* 64 [ст.-сл. *-mi* < и-е. **-mī(s)*].

⁵⁹ Дуальный форматив лит. *-mi* (напр., *dvié-mi* DP 297₂₇), быть может (?), восходит к плюральному **-mī*, который во время образования плюрального **-mī + s > *-mīs*, был переосмыслен как дуальный **-mī*, хотя см. вышесказанное о происхождении данного *-mi*.

*-mī (твор. п.) были „достаточно“ противопоставлены дуальным балт.-сл. *-mō (дат. п.) = *-mō (твор. п.)!]. О том, когда был добавлен „плюральный“ *-s к разбираемым формативам в балтийском, трудно сказать что-либо более определенное, за исключением одного: если верно возведение (см. выше) лит. -mus = прусс. -mans < *-mōns resp. лит. -mis < *mīs- и ст.-сл. -mъ < *-mōn resp. ст.-сл. -mī < *-mī, то появление (добавление) этого же *-s в балтийском целесообразно относить к эпохам, более поздним, чем древнеобщеславянская и, возможно, древнеобщеславянская⁶⁰.

Что же касается балто-славянского *-mōn, то он, быть может, содержит „неорганический“ *-n, т. е. формант *-n < *-m, ср. в какой-то мере аналогичное в соотношении, правда, дуальных ст.-сл. -m-a и (но не с *-m-!) ав. -by-a resp. др.-перс. -biy-ā (с конечным -ā, отражающем, возможно, индо-ир. *-ā⁶¹), с одной стороны, и др.-инд. -bhy-ām, с другой⁶². Однако, вопрос о происхождении долгого *-ō- в балто-славянском *-mōn, как и долгого *-ī в балто-славянском *-mī и т.п. оставляем в стороне⁶³, — перед решением всего этого необходимо рассмотреть еще некоторые другие проблемы по балто-славянской морфологии.

Относительно прусского (ноū)-mas (наряду с ноū-mans) „нам“ = (ioū)-mas (наряду с ioū-mans) „вам“ можно полагать, что этот -mas восходит к безударному алломорфу дат.-твор. п. дв. ч. *-mō⁶⁴ (resp. к ударному алломорфу *-mō̄)⁶⁵, впоследствии сокращенному⁶⁶ и в связи с исчезновением

⁶⁰ Имеется основание полагать, что эпоха распада древнеобщеславянского начинается с эпохи распада древнеобщеславянского, см. V. Mažiulis, Linguistic Notes on Baltic Ethnogenesis, Moscow, 1964, 2.

⁶¹ Н. Reichelt, Awestisches Elementarbuch, Heidelberg, 1909, 174.

⁶² A. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, Paris, 1934, 173, 299.

⁶³ Здесь не касаемся и проблемы процесса парадигматизации разбираемых форм.

⁶⁴ См. сноску № 19.

⁶⁵ Ср. в отношении „безударного-ударного“ вокализма сказанное о прусс. -mans, также — о лит. (mōšo)-ma.

⁶⁶ Когда в прусском установилась колонная акцентуация форм (см. сноску № 35) дат. п. мн. и дв. ч. (а это происходило, по всей видимости, еще до перехода *mō- > прусско-самб. mū-ti, см. соответственно сказанное выше), прусский форматив *-mō стал (везде) безударным. В связи с этой (довольно древней) безударностью разбираемый *-mō сократился (видимо, еще до эпохи перехода *mō- > прусско-самб. mū-ti), т. е. дал *-mō (см. сноску № 48) > -ma. Относительно сокращения прусс. *-mō → -ma ср. соображения (по другому поводу) N. van Wijk, Altpreussische Studien, Haag, 1918, 71 („Wenn nur die Vokalkürze erklärt zu werden brauchte, so konnte man sie als eine Folge der Tonlosigkeit auffassen“).

категории дуаля расширенному „плюральной“ *-s*; правда, данный *-s* здесь мог появиться и до сокращения **-mō*⁶⁷.

Допущение дуального происхождения прусс. *-mas* resp. следов дуаля в прусско-самбийском кажется вероятным ввиду того, что этот *-mas* (наряду с *-mans*) встречается только в личных местоимениях, ср., напр., то обстоятельство, что в литовском дуаль имеет тенденцию дольше сохраняться, именно, в личных местоимениях⁶⁸. Правда, принято считать, что данный прусс. *-mas* восходит к древнейшему **-mōs*, именному и местоименному. Но в таком случае остается вряд ли объяснимым, во-первых, наличие дублетности *ioū-mas (ioū-mas) : ioū-mans (ioū-mans)*⁶⁹ и, во-вторых, то, почему же данный *-mas* выступает только в личных местоимениях. Наконец и сама прусская фонетика не обязательно требует возведения прусс. *-mas* к древнейшему **-mōs*: гласный *a* как в прусс. *-mas*, так и в прусс. *-mans* может быть выведен (не только из первоначального **ō*, но и) из первоначального **ō* (и.е. **ō*), см. выше.

ZUM BALTISCH-SLAWISCHEN DATIV (PLUR. UND DU.)

Zusammenfassung

Verschiedene Hypothesen versuchen die Entwicklung der baltisch-slawischen Dativformen des Plurals und des Duals zu deuten. Doch scheinen sie uns alle anfechtbar zu sein, vor allem deshalb, weil die wichtigste Frage, nämlich die Herkunft der litauischen Formantien *-mus*, *-mu/-ma* sowie der altpreußischen *-mans* bzw. *-mas* und ihre Beziehungen zueinander keine einleuchtende Erklärung gefunden haben.

Sowohl lit. *-mus* als auch lit. *-mu/-ma* sind als ostbaltische Archaismen zu betrachten. Die Allomorphe lit. *-mu* und *-ma* werden u. E. durch die Entwicklung eines und desselben ursprünglichen Formans **-mō* (Dat.-Instr. Du.) bestimmt; Folgendes begründet diese Entwicklung: a) betontes Urformans **-mō* ergab (ost)balt. **-mō*⁷⁰ → lit. *-mu*, b) unbetontes Urformans **-mō* ergab (ost)balt. **-mō*⁷¹ → lit. *-ma*. Die im Beitrag angeführten Argumente erlauben uns anzunehmen, daß dasselbe dualische **-mō*, gekürzt und erweitert (während des Dualschwundes im Altpreußischen)

⁶⁷ Или, может быть, даже в ту эпоху, когда и прусс. **-mōn* (дат. п. мн. ч.) получил этот **-s*: в таком случае приходилось бы считать, что добавление „плюрального“ **-s* к **-mōn* в прусском происходило, видимо, недавно (ср. ст.-сл. *-mъ < *-mōn*), а исчезновение дуаля — сравнительно (напр., с литовским) рано. Наконец, вряд ли следует стопроцентно ругаться и за то, что определенные литовские периферийные говоры, в которых отсутствуют всякие следы *-mus < *-mōns*, раньше повсюду знали *-mus < *-mōns*, а не более архаический **-mōn > -mi* (?), совпавший с дуальным **-mō > -mi*.

⁶⁸ В данном случае в какой-то мере, может быть, поучителен и тот факт, что, напр., готский язык дуальные формы знает только в личных местоимениях, но — не в других местоимениях и именах.

⁶⁹ Форматив *-mans*, как уже говорилось, восходит, вероятно, к **-mōns*.

⁷⁰ S. die Fußnote Nr. 18

⁷¹ S. die Fußnote Nr. 19.

durch pluralisches *-s, im Formans -mas (Dat. Plur.) der altpreußischen Personalpronomina vorliegt. Da das Baltische wahrscheinlich ein *-mō (Dat.-Instr. Du.) gehabt hat, ist das Formans aksl. -ma (Dat.-Instr. Du.) wohl auf *-mō, nicht aber auf *-mā zurückzuführen.

Weiterhin ist in Betracht zu ziehen, daß die Herleitung des lit. -mus (Dat. Plur.) von *-mūs oder von *-mōns und um so mehr von *-mōs > *-mas (altpreuß. -mas ist wohl anderer Herkunft, s. oben) nicht genügend begründet ist. Es ist auch kaum anzunehmen, daß das altpreuß. -mans aus *-mas + *-man (Kontaminationshypothese) oder aus ursprünglichem *-mōns und das altpreuß. -mas aus ursprünglichem *-mōs herzuleiten sind. Wie J. Endzelin hingewiesen hat, ist schließlich auch die Hypothese der Entstehung des lit. -mus und des altpreuß. -mans durch Angleichung an den Ausgang des Akk. Plur. nicht einleuchtend.

U. E. ist vom phonetischen und akzentologischen Standpunkt die Ableitung sowohl des lit. -mus als auch des altpreuß. -mans vom ursprünglichen *-mōns (Dat. Plur.) einwandfrei. Dieses gemeinbaltische *-mōns ist durch pluralisches *-s erweitert oder *-mōns wird weiterhin vom urbaltischen *-mōn hergeleitet. Es werden Argumente angeführt, daß das aksl. -mъ (vlbko-mъ) auch aus *-mōn (Dat. Plur.) abgeleitet werden kann. Da dem slawischen Formans *-mōn (Dat. Plur.) das pluralische *-s fehlt, so ist auf Grund bestimmter typologischer Voraussetzungen in den litauisch-lettischen Dialekten anzunehmen, daß das Formans aksl. -mi (Instr. Plur.) vermutlich nicht auf *-mīs (= lit. -mis < *-mīs), sondern auf das ältere (im Vergleich zum lit. -mis < *-mīs) Formans *-mī zurückzuführen ist. Wir vertreten die Ansicht, daß die baltisch-slawischen Formantien *-mōn (Dat. Plur.) und *-mī (Instr. Plur.) das pluralische *-s im Baltischen nicht in der Epoche des Urbaltischen, sondern wohl bedeutend später bekommen haben. Die ältere Geschichte dieser baltisch-slawischen *-mōn (in dem *-n wohl als anorganisch zu betrachten ist) und *-mī wird in diesem Beitrag nicht behandelt.